

Бизнес и российское общество. ВЛАСТЬ, БИЗНЕС И ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В РОССИИ: ДО И ПОСЛЕ "ДЕЛА ЮКОСА"

Автор: А. А. ЯКОВЛЕВ

Вопрос о взаимоотношениях государства и бизнеса в последнее время привлекает все более пристальное внимание исследователей. От ответа на него, похоже, будут зависеть реальные перспективы развития российской экономики и общества. За очень короткий период при президенте В. Путине эти взаимоотношения успели пройти путь между крайними позициями политического маятника. От ситуации "приватизации государства", когда еще в 1998 - 1999 гг. деятельность федерального правительства и региональных властей в значительной мере контролировалась "олигархическим" капиталом, в 2003 - 2004 гг. был осуществлен переход к ситуации однозначного доминирования власти над крупным бизнесом.

Вместе с тем есть ощущение, что эта безоговорочная победа, одержанная властью в ее противостоянии "олигархам" и подкрепленная широкой электоральной поддержкой на последних парламентских и президентских выборах, может оказаться пирровой. Во всяком случае, стабильность сложившейся модели вызывает сомнения. И еще более спорным представляется тезис о том, что такая модель в начале XXI (а не в середине XX в.) может послужить основой для устойчивого развития экономики и общества.

В этих условиях важен прогноз развития отношений между властью и бизнесом, включающий выявление новых источников социальной динамики. Ниже я попытаюсь сделать такой прогноз, основываясь на анализе эволюции взаимоотношений бизнеса и власти в 2000 - 2003 гг.

Данная статья представляет собой сокращенную версию доклада на конференции "Роль экономических элит в российских регионах", организованной представительством Фонда Фридриха Эберта в Москве и Российским независимым институтом социальных и национальных проблем (РНИСиНП). Полная версия доклада публикуется в книге "Роль экономических элит в российских регионах", подготовленной к печати представительством Фонда Фридриха Эберта в Москве и Фондом "Либеральная миссия". Автор признателен Я. Паппэ, Я. Фрухтману, А. Зудину, В. Гимпельсону, Л. Фрейнкману и другим коллегам за высказанные комментарии и замечания. Ряд идей данной статьи сформировался в ходе работы над проектом "Взаимодействие групп интересов и их влияние на экономические реформы в современной России" в 2002 - 2003 гг. в Центре исследований Восточной Европы в Бремене и поддержанного Фондом Александра фон Гумбольдта (см. [Яковлев, 2003]).

Яковлев Андрей Александрович - кандидат экономических наук, директор Института анализа предприятий и рынков Государственного университета - Высшая школа экономики.

Посткризисный период: "наведение конституционного порядка"

В отличие от ситуации накануне президентских выборов 1996 г., когда общее стремление конкурирующих за ренту группировок к сохранению существующего режима стимулировало консолидацию федеральной и региональной элит, кризис 1998 г. привел к глубокому расколу. В частности, усилившиеся губернаторы и взаимодействующий с ними бизнес попытались использовать ситуацию для еще большего ослабления позиций федерального центра. Особую роль в этом процессе играла так называемая "московская группировка" во главе с мэром столицы Ю. Лужковым, опирающаяся на финансовые ресурсы возвращенной московским правительством АФК "Система".

В этих условиях для ближайшего окружения президента Б. Ельцина и связанных с ним бизнес-групп ("семейная группировка") ключевым вопросом стало *обеспечение преемственности власти*. На фоне глубокой дискредитации федерального центра такая преемственность могла быть обеспечена только через выдвижение из недр самой системы *новых людей*, которые непосредственно не ассоциировались с действиями власти в 1990-е гг. и потому могли получить на выборах поддержку массового избирателя. Новые люди должны были соответствовать изменившимся запросам общества, уставшего от анархо-криминальной свободы 1990-х. Смоделированный кремлевскими политтехнологами образ нового, востребованного обществом лидера после неудачного эксперимента с С. Степашиным успешно материализовался в Путине.

Стоит отметить неслучайное совпадение многих личностных характеристик Путина и Е. Примакова. Например, личная репутация Примакова, на которого - как потом и на Путина - даже С. Доренко не смог найти достаточного "компромата". По моему мнению, Примаков в случае его прихода к власти в 1999 - 2000 гг., скорее всего, как и Путин, стал бы дистанцироваться от выдвинувшей его группировки. Возможно, иной была бы последовательность событий: сначала произошло бы дистанцирование от "олигархов" ельцинского периода и лишь затем - от губернаторов. Однако такая политика неизбежно предполагала опору на федеральную бюрократию и силовиков. И в результате - разве что в более мягкой форме - на федеральном уровне все равно произошло бы воспроизведение той модели бюрократической консолидации государства, которая ко второй половине 1990-х гг. уже реализовалась в наиболее продвинутых регионах как реакция на кризис федеральной модели "олигархического капитализма".

Имидж Путина, а также его первые шаги, предпринятые еще в качестве премьер-министра, - эффективное противодействие вторжению чеченских боевиков в Дагестан и инициатива по разработке долгосрочной стратегии развития страны, вылившаяся в "программу Грефа", позволили резко изменить ожидания в обществе¹. Однако для укрепления собственных позиций новой федеральной "суперэлиты"² было необходимо разрешить затяжной конфликт с сильными губернаторами, консолидировавшимися вокруг блока Отечество - Вся Россия, и урегулировать неоднозначные отношения с "олигархами". При этом помимо личного рейтинга Путина у новой "суперэлиты" были три точки опоры - федеральная бюрократия, силовые структуры и "неолигархический" бизнес.

¹ Так, индекс социальных настроений (ИСН), который рассчитывал "старый" ВЦИОМ (в настоящее время - Аналитический центр Юрия Левады), вырос с 85 пунктов в середине 1999 г. почти до 140 пунктов в начале лета 2000 г.

² Это понятие активно используется в работах А. Зудина и характеризует узкий круг политиков и высших чиновников, которые, поднимаясь на высший уровень власти, оказываются вынуждены учитывать не только интересы своей исходной социальной группы, но и стратегические интересы страны. Это обстоятельство объективно ставит данную узкую группу над другими, существенно более широкими элитными группами. При этом игнорирование стратегических интересов страны чревато для представителей "суперэлиты" радикальной утратой личной власти и влияния (подробнее об этом см. [Зудин, [2003]]).

Шаги навстречу этим трем группам (повышение статуса федеральных чиновников; существенное расширение финансирования армии, ФСБ, других силовых структур; пересмотр налогового законодательства и снижение налогового бремени) способствовали укреплению позиций федеральной власти и создали почву для существенного ограничения власти губернаторов. Влияние региональных властей было ограничено через создание федеральных округов, реформу Совета Федерации, разделение полномочий между федеральным центром и регионами с явным "ужиманием" прав и бюджетных возможностей регионов.

Одновременно в отношениях с крупным бизнесом наблюдался уход от прямых неформальных контактов с крупнейшими предпринимателями (что было типично для середины 1990-х гг.). При этом активность Б. Березовского и В. Гусинского, которые выступили против модели "равноудаленности" через подконтрольные им СМИ, была достаточно жестко подавлена. Приняв к сведению молчаливое согласие остальных "олигархов" с этими действиями, власть приступила к выстраиванию системы "коллективного представительства" интересов разных слоев бизнеса. В результате возникли "новый РСПП" как объединение крупнейших компаний, Деловая Россия - как организация среднего и крупного "неолигархического" капитала и ОПОРА - как выразитель интересов малого и среднего бизнеса. Тем не менее явный приоритет и в этой иерархии был отдан верхнему "олигархическому" уровню, что нашло свое выражение в появлении института регулярных встреч Путина с членами Бюро правления РСПП. Крупный бизнес сохранил и некоторые иные рычаги влияния на политические решения - прежде всего благодаря своим представителям в государственном аппарате и в законодательных органах власти³. Эти рычаги, однако, использовались уже не столько для прямого лоббирования интересов отдельных компаний, сколько для влияния на формирование общих правил игры (налоговое и трудовое законодательство, условия вступления в ВТО и т.д.).

В целом в течение 2000 - 2002 гг. наблюдался относительный баланс сил во взаимоотношениях государства и бизнеса при постепенном укреплении позиций федеральных властей. Баланс держался на соблюдении сторонами негласных взаимных обязательств, предусматривавших отказ от пересмотра итогов 1990-х гг. со стороны власти в обмен на невмешательство в политику со стороны бизнеса. Однако новая модель взаимоотношений с характерной для нее "системой сдержек и противовесов", тщательно выстраивавшаяся властью в течение трех лет, рухнула с разворачиванием "дела ЮКОСа".

Широкая поддержка действующего президента избирателями на парламентских (в декабре 2003 г.) и президентских (в марте 2004 г.) выборах означала, что с формальной точки зрения власть в рамках конфликта с "олигархами", олицетворением которых выступал М. Ходорковский, одержала безоговорочную победу. Ходорковский публично признал свое политическое поражение в известном письме, опубликованном газетой "Ведомости" (апрель 2004 г.).

С учетом предшествующей столь же убедительной победы над губернаторами можно констатировать, что федеральная власть в течение первого срока правления Путина решила стратегическую задачу по "наведению конституционного порядка". Однако цена ее решения, на мой взгляд, оказалась разорительно высокой.

Центральная проблема заключается в том, что рейтинг популярности президента и устойчивость позиций федеральной власти зависят от динамики уровня жизни и, соответственно, от темпов экономического роста⁴. Однако высокие темпы развития не

³ В качестве примеров здесь можно привести ряд регионов, где власть непосредственно контролируется представителями крупного бизнеса: Р. Абрамович в Чукотском автономном округе, А. Хлопонин в Красноярском крае и т.д.; администрацию президента, где работает немало бывших сотрудников группы "Альфа", а также Государственную думу и обновленный Совет Федерации, в состав которых вошло много предпринимателей.

⁴ Пониманием этого факта объясняются настойчивые призывы к удвоению ВВП, зазвучавшие со стороны Путина и его администрации с весны 2002 г., когда наметилось замедление экономического роста.

могут быть обеспечены по приказу. Крупный же бизнес, объективно выступавший мотором экономического роста в последние годы, в высшей степени демотивирован делом ЮКОСа. Личностное столкновение Ходорковского и Путина в целом оправдало худшие ожидания бизнеса в отношении власти. Закономерным следствием сложившейся ситуации стало возобновление с осени 2003 г. интенсивного оттока капитала из России, масштаб которого на 2004 г., по оценкам МЭРТ, только по легальным каналам прогнозируется в размере 8,5 млрд. долл., а в общем объеме по оценкам близких к правительству аналитических центров составит от 14 до 17 млрд. долл.⁵

В целом, если лето 1996 г. можно считать высшей точкой господства "олигархов" в рамках их взаимоотношений с властью, то к лету 2004 г. политический маятник достиг другой крайней точки, когда власть стала абсолютно доминировать над бизнесом. Дело ЮКОСа ознаменовало завершение определенного этапа во взаимоотношениях власти и бизнеса. Для анализа форм взаимодействия бизнеса и власти на новом этапе и для определения возможных движущих сил социально-экономического развития в среднесрочной перспективе необходимо ответить на два вопроса. Почему власти и крупному бизнесу не удалось удержать относительное равновесие, достигнутое к 2002 г.? Какие возможны выходы из сложившегося тупика?

Почему не удалось удержать равновесие?

Выстраиваемая властью общественно-политическая конструкция, характеризующаяся некоторыми исследователями как "корпоративный капитализм" (см. [Лэйн, 2000; Зудин, 2001] и др.), изначально отличалась внутренней неустойчивостью. Причиной этого, на мой взгляд, были радикальные различия в менталитете у представителей крупного бизнеса и обновленной власти, их глубокое взаимное недоверие и обоюдная неготовность к поиску компромиссов. Говоря совсем коротко: если одни привыкли покупать, то другие привыкли приказывать.

В ближайшем окружении Путина с самого начала были люди, настроенные на то, чтобы начать строительство капитализма в России с "чистого листа"⁶, для чего на время максимально оттеснить бизнес от принятия политических решений. При этом на идеологическом поле происходило сознательное разыгрывание перераспределительных настроений (группа Народный депутат в Думе 1999 - 2003 гг.; блок Родина как проект, поддержанный Кремлем на выборах 2003 г.; активность Совета по национальной стратегии во главе с С. Белковским и И. Дискиным и т.д.).

Одновременно бизнес старался обезопасить себя и свою собственность от произвола власти через создание суперкомпаний, способных уравнивать консолидированные ведомства по своему влиянию на экономику, а также через повышение капитализации этих компаний и продажу крупных пакетов в них известным иностранным инвесторам. При этом негласная договоренность о сохранении собственности в обмен на невмешательство в политику неизбежно становилась все более условной по мере того, как политика начинала напрямую затрагивать интересы бизнеса.

В наиболее остром виде этот конфликт интересов власти и бизнеса проявился в вопросе о природной ренте и законодательстве, регламентирующем ее изъятие (законы о налоге на добычу полезных ископаемых и соглашениях о разделе продукции - СРП).

⁵ См. [А. Панов, 2004], а также материалы и комментарии в других СМИ по итогам пресс-конференции Г. Грефа 5 августа 2004.

⁶ К этой категории, в частности, можно отнести И. Сечина и В. Иванова, которых Г. Павловский в своей известной записке от 29 августа 2003 г. "О негативных последствиях "летнего наступления" оппозиционного курсу Президента РФ меньшинства" обозначил как лидеров данного течения в президентской администрации. При этом он подчеркивал их личную приверженность Путину, отмечая, что Сечин и Иванов "всегда отстаивали кадровую прозрачность команды В. Путина и решений Администрации, отсеивая сомнительные кадровые предложения и лоббистские бумаги".

Власть рассматривала природную ренту как ресурс, необходимый для поддержания своего рейтинга, однако крупный бизнес не готов был отдать этот ресурс просто так.

В рамках этого внутреннего конфликта ЮКОС решился на прямые действия против власти. В частности, речь идет об открытом финансировании оппонентов Путина на левом (КПРФ) и правом (Яблоко, СПС) флангах политического спектра. С покупкой ЮКОСом целого ряда депутатов парламента также связывался срыв прохождения в Думе в начале 2003 г. правительственного законопроекта о СРП. Наконец, объявленное слияние ЮКОСа и принадлежавшей Абрамовичу компании Сибнефть с вероятной последующей продажей крупного пакета акций объединенной компании одному из глобальных нефтяных концернов (по модели ВР-ТНК) означало бы для власти утрату неформальных рычагов давления на Ходорковского и фактическую утрату контроля над стратегическими активами в нефтяной отрасли.

В этих условиях ответную реакцию власти, основанную на весьма грубом "избирательном применении" законодательства против Ходорковского и других владельцев компании ЮКОС, наверное, можно характеризовать как вынужденную. Однако это "силовое решение" в действительности продемонстрировало не силу, а слабость власти. Не сумев убедить бизнес, она пошла на внеправовое по своей сути подавление политических оппонентов, чем в итоге обрушила собственноручно созданную в предшествующие три года сложную общественно-политическую конструкцию.

На мой взгляд, основным просчетом Путина и его окружения была попытка сконструировать новую модель функционирования экономики и общества, отталкиваясь лишь от собственных представлений и не привлекая к реальному участию в этом процессе других заинтересованных лиц. Навязывание такой модели бизнесу и обществу без формулирования публичного проекта, ориентированного на развитие страны и внятно отвечающего на новые вызовы, не могло не породить безразличия в обществе и отторжения в бизнесе (за чей счет в значительной мере эта модель должна была реализовываться).

Однако еще большую ошибку совершил крупный бизнес - попытавшись договориться с властью за спиной у общества. Правда, если в 1990-е гг. "договаривались" с отдельными чиновниками или политиками, то теперь попытались обратиться к власти в целом, олицетворяемой президентом Путиным. Существенное отличие, однако, заключалось не в этом, а в радикальном изменении среды. При всех издержках приватизации, при очень больших масштабах коррупции в 1990-е гг. была *значительно выше степень экономической свободы* и существовали *возможности "социального лифта"*. Выпускник вуза, не находящий для себя применения на рынке труда, мог занять 500 долл. у соседа, поехать в Турцию, купить товаров и начать собственный бизнес. Безусловно, многие разорялись, прогорали и вынуждены были выбирать какую-то иную стезю, но несколько сотен тысяч человек именно таким образом ушли в бизнес. "Челночный бизнес" - только один из вариантов, были и другие. Последние же годы отличались тем, что подобные возможности "схлопнулись", рынки структурировались. Те компании, которые возникли в 1990-е гг., сейчас могут развиваться, но начинать собственный бизнес с нуля стало гораздо тяжелее.

В этом плане весьма спорны аналогии с периодом "дикого капитализма" в Америке XIX в., которые любят порой проводить российские либералы, призывающие "не ворошить прошлое" и признать итоги приватизации на том основании, что у всех была возможность поучаствовать в разделе государственной собственности, но не все воспользовались ею [Гурова, Привалов, Фадеев, 2003]. Даже если у всех действительно была такая возможность, стоит отметить важное различие между Америкой середины XIX в. и Россией конца XX в.

Одним из источников бурного экономического роста в США был большой приток иммигрантов из Европы. Люди, приезжавшие в эту страну с уже сложившимися правилами игры, не задавали вопросов о справедливости этих правил - местное прошлое было не их прошлым. Россия же унаследовала не только территорию, но и граждан бывшего СССР, которые - включая нынешних тридцатилетних - полагают, что у них

и у их семей было и есть определенное право на бывшую общенародную собственность, наиболее привлекательные куски которой перешли под управление крупного бизнеса.

В этом отношении очень показательны, что на последних выборах в Государственную думу даже в Москве и Петербурге, которые всегда отличались демократическими настроениями, блок Родина с его ключевым лозунгом изъятия у "олигархов" природной ренты набрал больше голосов, чем Яблоко или СПС. При этом за Родину в столицах голосовали отнюдь не пенсионеры, а вполне молодые люди 25 - 30 лет, которым сейчас некуда податься, кроме как пойти клерком в банк или менеджером в торговую фирму.

На этом фоне крупному бизнесу, объективно нуждавшемуся в признании его прав собственности, вместо игр с властью нужно было самому инициировать *национальные проекты*, создающие возможности для развития, для реализации потенциала нового поколения, наиболее активная часть которого сейчас оказалась в своеобразном тупике и генерирует социальное напряжение и перераспределительные настроения. Успех таких проектов показал бы обществу, что те национальные ресурсы, которые крупный бизнес действительно почти бесплатно получил в 1990-х гг., используются не для удовлетворения личных потребностей Ходорковского, П. Лебедева или еще нескольких десятков людей, а идут на развитие страны в целом. И возникающие в результате таких проектов *новые возможности* для конкретных людей и конкретных регионов со временем могли бы стать основанием для того, чтобы общество не настаивало на пересмотре итогов приватизации.

К сожалению, вероятность реализации такого позитивного сценария в последние три-четыре года была крайне мала. Ведь он мог быть успешным только в случае коллективных усилий представителей крупного бизнеса, но степень недоверия их друг к другу почти так же велика, как их общее недоверие к государству. Индивидуальные же действия отдельных компаний в этом направлении - например, проект Федерации интернет-образования, поддержанный и финансируемый ЮКОСом - неизбежно воспринимались как элементы косвенного политического *PR*. В результате нарастающее в обществе ощущение социальной несправедливости сыграло роль внутренней пружины, которую власть эффективно использовала в конфликте с Ходорковским. Так, откровенное игнорирование бизнесом реальной проблемы общественного признания новой структуры прав собственности⁷ вылилось в то, что при всей нелюбви и традиционном недоверии к власти общество продемонстрировало еще меньшую степень доверия по отношению к российским "олигархам". В итоге проигравшими от инициированного властью "дела ЮКОСа" оказались все - и бизнес, и общество, и сама власть (или, точнее, "суперэлита"), которая теперь осталась один на один со вращенной и укрепленной ею федеральной бюрократией.

В поисках выхода из тупика

Действия власти позволяют предположить, что ситуация возникшего тупика в целом осознается. При этом, на мой взгляд, движение идет по двум линиям.

Первая из них - поиск механизмов взаимодействия с бизнесом и новых фигур, способных осуществлять такое взаимодействие. Характерно выдвижение для контактов с бизнесом новой политической фигуры в лице премьер-министра М. Фрадкова, никак не связанного с "делом ЮКОСа", создание при нем Совета по конкурентоспособности

⁷ В более широком контексте эта проблема - как проблема политического консенсуса среди населения в отношении рыночных реформ - выделяется в качестве одной из центральных для переходных и развивающихся экономик в известной книге [Зингалес, Раджан, 2004]. Для эволюции позиций международных финансовых организаций весьма показательны, что вскоре после выхода книги Р. Раджан стал главным экономистом МВФ.

и предпринимательству, а также озвучивание Фрадковым идей частногосударственного партнерства (*private-public partnership*). Предполагается, что предметом такого партнерства будут крупные социально значимые и инфраструктурные проекты. Базой для них в значительной мере должны стать так называемые "национальные приоритеты" - строительство доступного жилья, образование и здравоохранение, над разработкой которых еще с осени 2003 г. в Центре стратегических разработок начала работать группа под руководством И. Шувалова.

Вторая линия - запуск административной реформы, речь о которой велась с середины 2000 г. Помимо радикальной перестройки структуры федеральных органов исполнительной власти текущий этап реформы включает в себя упорядочение функций ведомств и привязку их деятельности к стратегическим целям и задачам правительства. Кроме того, одной из негласных задач, похоже, стало разрушение горизонтальных связей в старом госаппарате - связей, которые превращали бюрократию в единую корпорацию и блокировали импульсы, идущие к экономике и обществу от президента и его ближайшего окружения. (Стоит напомнить, что официальной темой последней для Ходорковского встречи "олигархов" с президентом Путиным были административные барьеры на пути развития бизнеса и коррупция в госаппарате.)

Практический эффект шагов, предпринимаемых властью по этим двум направлениям, оценивать еще рано. Вместе с тем есть основания сомневаться в положительном балансе результатов.

Пока административная реформа привела лишь к явной дезорганизации деятельности правительства и в ряде случаев - к прямому снижению компетентности чиновников высшего и среднего уровня. Ступор в системе государственных закупок (когда из-за организационного хаоса и неразберихи в ведомствах в течение нескольких месяцев не проводились платежи по заключенным государственным контрактам) стал - наряду с оттоком капитала - одной из причин кризиса ликвидности на межбанковском рынке⁸.

Названные проблемы, однако, носят временный характер, и к концу 2004 г. их предполагалось урегулировать. Более серьезные вопросы вызывает отсутствие в новой структуре правительства центра выработки стратегии и инициирования изменений. В правительстве М. Касьянова такую роль выполняло Министерство экономического развития и торговли, возглавляемое Грефом. С появлением новых "суперминистерств" его значимость объективно снижается. В результате можно ожидать, что новое правительство в целом даже в большей степени, чем правительство Касьянова, будет ориентировано на поддержание *status quo*, нежели на изменения и реформы. А это, в свою очередь, вряд ли будет способствовать решению тех стратегических проблем, которые реально стоят перед страной.

Вызывает сомнения отсутствие конкретных механизмов частногосударственного партнерства, а также сам подход к реализации возможных совместных проектов, предлагаемый властью. При заведомо неравных на сегодняшний день позициях власти и бизнеса существует риск, что власть сама будет выбирать проекты и сама же станет назначать тех, кто будет их финансировать и реализовывать. Такой сценарий (к сожалению, вполне вероятный в современных условиях) фактически будет означать введение "социального оброка" для бизнеса с неизбежной профанацией идеи частногосударственного партнерства.

Еще более серьезная проблема - отсутствие в первом эшелоне политики и бизнеса фигур, пользующихся уважением в обществе и способных инициировать диалог. Административная реформа, вызвавшая существенные кадровые изменения на среднем и верхнем уровнях бюрократической иерархии (от начальников отделов до заместителей министров), практически не затронула высший, политический уровень правитель-

⁸ В частности, согласно экспертным оценкам, по этой причине только во II квартале 2004 г. в экономику не попало от 2 до 3 млрд. долл.

ства. За исключением Фрадкова практически все нынешние руководители социально-экономического блока правительства в июле 2003 г. уже были публичными политическими фигурами и, даже если они не стремились выразить через СМИ свои верноподданнические чувства (как это делал осенью 2003 г. А. Кудрин), на них неизбежно падает тень "дела ЮКОСа". Соответственно, вряд ли какие-либо их инициативы по реализации идей частногосударственного партнерства могут быть с доверием восприняты бизнесом. Фрадков же не имеет своей команды, способной развить и воплотить в жизнь его собственные предложения, адресованные предпринимательскому сообществу.

Не лучше ситуация и на стороне бизнеса. Стыдливо отмолчавшись по "делу ЮКОСа", старые "олигархи" из Бюро правления РСПП сохранили свою собственность, но однозначно утратили репутацию в глазах общественного мнения⁹. Можно предположить, что Ходорковский после его фактического отказа уехать из страны летом 2003 г. (вслед за Л. Невзлиным, М. Брудно и другими крупными акционерами ЮКОСа) и последующего ареста в целом вызывает сегодня у населения большее уважение, чем В. Потанин, О. Дерипаска, Р. Абрамович и прочие "олигархи", которые едва ли могут сегодня выступить в качестве фигур, способных вести диалог с властью от имени бизнеса. Впрочем, вряд ли в такой роли смогут выступить и новоявленные "олигархи-light", как уже успели окрестить представителей крупных и средних компаний, включенных в Совет по конкурентоспособности и предпринимательству.

Таким образом, несмотря на попытки власти как-то выправить ситуацию, на мой взгляд, на федеральном уровне сегодня нет ни механизмов, ни людей, способных сделать это. И с большой вероятностью, вплоть до выборов 2007 - 2008 гг. в правительстве, Государственной думе и в администрации президента вместо осуществления реальных изменений будет преобладать имитация кипучей деятельности - в чем-то напоминающая период с осени 1996 г. по весну 1998 г. Подобная стагнация в общественно-политической жизни может сопровождаться достаточно высокими темпами экономического роста разве что при сохранении благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры, а также с учетом произошедшей в последние годы значительной реструктуризации предприятий.

Тем не менее в целом такое развитие событий будет означать практическую реализацию сценария "Сказка о потерянном времени", который в 1999 г. был выделен экспертами "Клуба-2015" в качестве одного из базовых в рамках проекта "Сценарии для России". К сожалению, Россия может оставаться в этой "Сказке" вплоть до очередного социально-экономического катаклизма, подобного августу 1998 г.

Отход от такого пессимистического сценария (усугубленного кризисом во взаимоотношениях бизнеса и власти после "дела ЮКОСа") требует от российской элиты *новых идей, обращенных к обществу*. Однако, на мой взгляд, так же, как и в 1999 г., новые идеи, которые сегодня пытаются нащупать кремлевские (и не только кремлевские) политтехнологи, не могут быть озвучены старыми лидерами. Люди просто не поверят им. И поэтому перспективы дальнейшего развития России оказываются тесно связаны с выдвижением на политическую арену *новых фигур* - как со стороны власти, так и со стороны бизнеса.

Предпосылкой для появления таких новых политических фигур может стать начавшийся процесс обновления региональной элиты. На смену бывшим секретарям обкомов и председателям облисполкомов, занявшим в 1990-е гг. кресла губернаторов, приходят новые молодые лидеры. Достаточно часто они приходят из бизнеса - причем не только "олигархического". В отличие от сегодняшних политиков федерального уров-

⁹ Единственное исключение здесь - А. Чубайс. Его выступления против действий Генпрокуратуры РФ по "делу ЮКОСа" вряд ли прибавили ему и СПС голоса на последних парламентских выборах, но эта публично заявленная позиция, по крайней мере, позволила Чубайсу сохранить репутацию в глазах его традиционных сторонников.

ня, стремящихся в основном к сохранению своих позиций, им есть, куда расти, и у них есть долгосрочные амбиции. К тому же, по крайней мере некоторые из них понимают, что смогут претендовать на выдвижение в федеральную политическую элиту в 2007 - 2008 гг., только добившись реального улучшения жизни в своих регионах. А для этого им потребуется прагматическая и конструктивная политика взаимодействия с бизнесом. Дополнительным фактором, стимулирующим диалог новых региональных лидеров с бизнесом, может стать ограничение ресурсных возможностей региональных и местных бюджетов вследствие "разграничения полномочий" между разными уровнями власти, проведенного в 2002 - 2003 гг. комиссией под председательством Д. Козака.

Одновременно новые возможности для экономического развития в послекризисный период привели к появлению целого ряда крупных компаний, выросших из средних фирм середины 1990-х гг. Подобный бизнес, как правило, уже не имеет отношения к приватизации и залоговым аукционам. Однако для него "дело ЮКОСа" также стало весьма важным уроком. "Эти золотые часы лишь постольку остаются моими, поскольку все окружающие согласны с тем, что они действительно принадлежат мне. Если же 90% моих соседей думают иначе, я никогда не буду спать спокойно". Эти слова были произнесены в апреле 2004 г. одним молодым российским банкиром в качестве реакции на известное письмо Ходорковского в "Ведомостях". И, на мой взгляд, они отражают понимание того, что отечественный бизнес существует не на Марсе, а в реальной российской действительности с ее резко усилившейся социальной дифференциацией. Если бизнес хочет сохранить себя, ему нужно подумать не только о своих доходах, но и об окружающих его простых людях - о том, чтобы они могли жить лучше.

Понимание этой проблемы может стать предпосылкой для реального участия бизнеса в социальных проектах, предлагаемых властью, - особенно на региональном и муниципальном уровнях. В сравнении с федеральным уровнем здесь все куда отчетливее, прозрачнее и быстрее становится видно, кто ворует, а кто нет. И самой региональной власти тоже проще собрать людей из бизнеса и предложить вместе подумать, например, о том, как сделать так, чтобы не только дети предпринимателей, но и дети рабочих могли учиться в нормальных школах. Но, безусловно, для того, чтобы бизнес конструктивно откликался на подобные предложения, нужно чтобы сама власть создавала *адекватные условия для развития бизнеса*.

Таким образом, на мой взгляд, долгосрочные прагматические интересы крупных "неолигархических" компаний и новых региональных лидеров могут стать базой для возникновения новых механизмов взаимодействия между властью и бизнесом, поскольку названные игроки - в отличие от федеральных властей и национальных бизнес-групп - находятся примерно в равных весовых категориях. Прозвучавшие в сентябре 2004 г. заявления Путина об изменении порядка выборов губернаторов показывают, что окружение президента видит эту перспективу и усматривает для себя реальную угрозу в сохраняющейся политической конкуренции на региональном и межрегиональном уровнях¹⁰. Ограничение свободы выборов в регионах, безусловно, может ослабить обозначенную выше тенденцию к появлению новых региональных лидеров и их конструктивному взаимодействию с бизнесом, однако вряд ли способно переломить ее. Тем не менее практическая реализация этой тенденции будет существенно зависеть от того, как быстро между новыми людьми в бизнесе и во власти (которые на фоне сформировавшихся элитных групп скорее будут выглядеть исключениями из правила) возникнет взаимопонимание и взаимодействие.

Здесь весьма важной может оказаться роль *экспертного сообщества*. Данная социальная группа, будучи частью российского среднего класса и одновременно - преемником советской интеллигенции, заметно консолидировалась в последние годы и вы-

¹⁰ Официальная интерпретация этих изменений как реакции федерального центра на неспособность региональных властей противодействовать террористическим акциям выглядит, мягко говоря, неубедительной.

росла в профессиональном отношении. И, на мой взгляд, именно экспертное сообщество, реально продуцирующее новые идеи и для власти, и для бизнеса, может стать посредником между ними, выражая при этом интересы общества.

Таким образом, несмотря на внешнюю тенденцию к сверхцентрализации общественно-политической жизни, реальным источником социально-экономической и политической динамики в России на ближайшие годы станут регионы. Развитие страны будет определяться тем, в какой мере новые региональные лидеры и крупные "неолигархические" компании смогут создать механизмы конструктивного взаимодействия власти и бизнеса. В свою очередь, скорость выработки таких механизмов и их эффективность будут зависеть от масштабов и форм участия в этом процессе профессионального экспертного сообщества, принимающего на себя в современной России те функции выражения общественных интересов, которые в СССР выполняла советская интеллигенция.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гурова Т., Привалов А., Фадеев В. Наша маленькая свобода // Эксперт. N 33. 2003.

Зингалес Л., Раджан Р. Спасение капитализма от капиталистов. М., 2004.

Зудин А. Неокорпоративизм в России? (Государство и бизнес при Владимире Путине) // *Pro et Contra*. 2001. Т. 6. N 4.

Зудин А. Ю. Режим В. Путина: контуры новой политической системы // Общественные науки и современность. 2003. N 2.

Лэйн Д. Преобразование государственного социализма в России: от "хаотической" экономики к кооперативному капитализму, координируемому государством? // Мир России. 2000. N1.

Панов А. Россию оставят без денег // Ведомости. 2004. 6 августа.

Яковлев А. А. Взаимодействие групп интересов и их влияние на экономические реформы в современной России // Мир России. 2003. N 4.

© А. Яковлев, 2005